

УДК 141.78:305
doi: 10.15421/1717157

Рецепция концептосферы блага в дискурсах и интерпретациях постмодернизма

Т. И. Власова, О. П. Власова, Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна, Днепр, Украина

То приоритетное место, которое занимает тема концепта в теориях ученых-постмодернистов, объясняется прежде всего лингвистическим конструированием повседневной жизни, присущим эпистемологии постмодернизма. Однако, поскольку в постмодернизме логоцентрической традиции противопоставлена деконструктивистская модель интерпретации, возникает проблема: верно ли понят сам знак. В данном ключе важно, чтобы «интерпретатор» концептов поместил их в определенный «каркас», в основании которого лежит такой фундаментальный концепт, как «благо». С другой стороны, в настоящее время все возрастающая плюрализация перспектив оставляет мало места для концептуальных значений: трансцендентальное содержание блага все чаще свя-зывается сегодня с наличным благосостоянием людей. Следует отметить, что в русле утилитаристских представлений в «постсовременности» происходят трансформации и других концептов, например счастья. Назначение фундаментальных концептов сегодня, как и тысячелетия тому назад, – быть индикатором основных человеческих смыслов и ценностей, однако амбивалентность концепта «virtue» (анг.), напрямую связанного с концептом «the good» (анг.), основана на фундаментальном разделении между моральным смыслом и акцентом на соответствующих действиях, что предполагает возможность бросить вызов доминирующим моральным ценностям посредством эмфазы на других ценностях, также присущих внутреннему миру индивида. Релятивизм постмодернизма означает, что нет философских основоположностей, есть лишь интерпретация в проблемном поле конкурирующих дискурсов, контекстов и нарративов.

Ключевые слова: концепт; знак; конструкт; плюрализация; релятивизм

The reception of the conceptual sphere of «the good» in discourses and in-terpretations of postmodernism

T. I. Vlasova, O. P. Vlasova, Academician V. Lazarian Dnipropetrovsk National University of Railway Transport, Dnipro, Ukraine

As the content (concepts substances) and the expression (language and speech) represent a dichotomy linked in its continuity, in postmodernism the priority is taken by the linguistic construction of everyday life. Hence it follows that the place occupied by the theme of the concept is remarkable in the postmodern theory. The complicated character of the conceptual analysis is denoted by the relation of the na-tion's characteristic features to the general human ideals: words of different languages even denoting concrete objects do not appear to be perfect synonyms. In the postmodern world picture it is interpretation that has become modus operandi by means of which individuals interpret concepts putting them in the definite frame. Still it is important that fundamental concepts form the foundation of that frame. On the other hand, where complexity, change and uncertainty create ever expanding alterna-tives, there is little place left for the conceptual meanings. The transformations are penetrating into fundamental values at different levels, individuals' level included. Now the transcendental content of «the good» is often connected with individuals' monetary welfare. According to postmodern ideas, the latter accounts for the fact that we must concentrate on the development of the inner virtues of people – not only men but women too, especially if we take into account the ethics of «care», elaborated by the feminist scientists'. Though the position of the objective thinking is denied in postmodernity, the target of the fundamental concepts («the good» included) is still to be indicators of the main human meanings and values. The analysis of the lexemes and the concepts of Russian «благо» and English «the good» proves that there exist certain differences, both horizontal and vertical ones. There are ambivalences in the meaning of the corresponding concepts that make it possible for a postmodern indi-vidual to challenge the fundamental moral values by means of the emphasis on other moral meanings inherent in other people – both men and women. Postmodern anti-fundamentalism means that there are no «ultimate» philosophic concepts, all is relative and is subjected to interpretation with the key factors of individuals' language, culture, history, gender, religion, etc.

Keywords: concept; sign; construct; pluralization; relativism

Цитування даної статті: Власова Т. И., Власова О. П. Рецепция концептосферы блага в дискурсах и интерпретациях постмодернизма / Т. И. Власова, О. П. Власова // Научно-теоретичний альманах «Грані». – 2017. – Т. 20. – № 12. – С. 5- 11.

Citation of this article: Vlasova, T. I., Vlasova, O. P. (2017). Retseptsiya kontseptosfery blaha v dyskursakh y ynterpretatsiyakh postmodernyzma [The reception of the conceptual sphere of «the good» in discourses and in-terpretations of postmodernism]. *Scientific and theoretical almanac «Grani», 20 (12), 5-11.*

Received: 13.12.2017

Accepted: 21.12.2017

Рецепція концептосфери блага в дискурсах та інтерпретаціях постмодернізму

Т. І. Власова, О. П. Власова, Дніпропетровський національний університет залізничного транспорту імені академіка В. Лазаряна, Дніпро, Україна

Те пріоритетне місце, яке займає тема концепту в теоріях учених-постмодерністів, пояснюється передусім лінгвістичним конструюванням повсякденного життя, властивим епістемології постмодернізму. Проте, оскільки в постмодернізмі логоцентричній традиції протиставлена деконструктивістська модель інтерпретації, виникає проблема: чи правильно розуміють сам знак. У цьому ключі важливо, щоб «інтерпретатор» концептів помістив їх у певний «каркас», в основі якого лежить такий фундаментальний концепт, як «благо». З іншого боку, плюралізація перспектив, яка нині дедалі більше зростає, залишає мало місця для концептуальних значень: трансцендентальний зміст блага все частіше пов'язується сьогодні з наявним добробутом людей. Слід зазначити, що в руслі утилітаристських уявлень відбуваються в «постсучасності» трансформації і інших концептів, наприклад щастя. Призначення фундаментальних концептів сьогодні, як і тисячоліття тому, – бути індикатором основних людських сенсів та цінностей, проте амбівалентність концепту «virtue» (анг.), безпосередньо пов'язаного з концептом «the good» (анг.), базується на фундаментальному розділенні між моральним сенсом і акцентом на відповідних діях, що припускає можливість кинути виклик домінуючим моральним цінностям через емпізи на інших цінностях, які також властиві внутрішньому світу індивіда. Релятивізм постмодернізму означає, що немає філософських основоположностей, є лише інтерпретація в проблемному полі конкуруючих дискурсів, контекстів і нарративів.

Ключевые слова: концепт; знак; конструктор; плюралізація; релятивізм

Постановка проблеми. «Ситуация постмодерна», те дискурсы, образы и нарративы, которые ассоциируются с постмодернизмом, репрезентируют глубочайший сдвиг «тектонических плит» как философских представлений, так и практик реальной ежедневной жизни: вопросов стиля, интеллектуальных предпочтений, модных клише и т. д. Модернизм, как пишет Ф. Джеймсон, «принудительно думал о новом», постмодернизм ищет разрывы и изломы, «события», а не «новые миры», сдвиги и множественные изменения в репрезентации людей, вещей и самой жизни. Модернистов интересовало то, что может произойти в результате изменений и трансформаций, они думали о самой «вещи», субстанционально, в утопической или эссенциалистской манере. Постмодернисты более «отвлечены», они убеждены, что содержание – это «образы», которых становится все больше и больше [19, с. 9].

Поскольку план содержания – концепт, субстанция, форма – и план выражения – язык и речь – представляют собой неразрывно связанную дихотомию, то приоритетным вопросом в теории постмодернизма становится именно лингвистическое конструирование ежедневной жизни. Отсюда то особое место, которое занимает тема концепта в теориях и положениях ученых конца XX – начала XXI веков. Постановка вопроса о соотношении мира, его образа, существовавшего в сознании, и образа, закрепленного в языке, способствовала выделению двух форм картины мира – концептуальной и языковой. Говоря о концептах в самом широком их использовании, ученые, как правило, единогласны в том, что концепт – это смысл [2].

В то же время именно философия в строгом понимании этого термина занимается поиском смысла знаний о человеческом существовании.

Ж. Делез и Ф. Гваттари утверждают: именно философ изобрел концепты и начал мыслить ими; «философия – дисциплина, состоящая в творчестве концептов, – пишут знаменитые постмодернисты, – ...творить все новые концепты – таков предмет философии» [5, с. 9]. Здесь также уместно, на наш взгляд, обратиться еще к одному столпу постмодернизма У. Эко, который пишет о том, что работа философа должна предварять работу лингвиста [13, с. 208]. Однако не менее важно, на наш взгляд, то, что сформированные на концептуальном уровне структуры знания получают выражение с помощью языка, поскольку языковые образования формируют своего рода кодовую систему для единиц концептуального уровня – концептов как квантов знания. Последнее с неизбежностью фокусирует одну из основных проблем перевода – что же важнее: «дух» или «буква», что же мы должны перевести: смысл (концепт) или буквальное содержание?

Таким образом, говоря о концептах как о ментальных репрезентациях, отражающих и общекультурный, и индивидуальный опыт, нельзя не затронуть проблему взаимодействия человека, языка и культуры – проблему дискурса. Здесь важно также то, что в традиционном понимании концепты конституируются «Логосом», спекулятивным мышлением; в постмодернизме логоцентрической традиции противопоставлена деконструктивистская модель интерпретации, то есть проблема в том, верно ли понят сам знак. В то же время в постмодернистской картине мира интерпретация есть тот способ, с помощью которого индивид истолковывает концепты, помещая их в определенный «каркас», в основании которого лежат философские основоположности, в том числе и такая, как концепт блага, относящийся-

ся к «предельным концептам» [6, с. 8], к тем архетипам, которые репрезентируют вечные смыслы и истины интеллигибельного мира, имманентное основание человеческого мышления.

Анализ исследований и публикаций. Исследуя «предельные концепты» с точки зрения картезианско-кантовского направления, В. И. Красиков утверждает, что они укоренены в природе человеческого мышления, являясь его имманентной основой («Я») и объективным содержанием (не зависимым от конечного «Я») [6, с. 15]. Однако сложность понимания концепта заключается в том, что он приближается к понятию замещаемого им предмета и вместе с тем существенно отличается от него. Ю. С. Степанов, определяя структуру концепта, пишет, что культура и концепт – фракталы; концепт подобен системе «культу-ра». При этом структура вербально выраженного концепта центрирована вокруг «ядра» подобно тому, как система «культура» центрирована вокруг артефакта [9].

Важным моментом в этом анализе является также то, что В. фон Гумбольдт обосновал как связь «характера народа» с общечеловеческими идеалами, национальными традициями и характером языка. «Действительно, – пишет Гумбольдт, – индивидуальный характер может преобразовываться в национальный только двумя способами: через общее происхождение и через язык. Слова различных языков, обозначающие даже самые конкретные предметы, не являясь полными синонимами. Это еще более верно там, где речь идет о неконкретных предметах», – утверждает Гумбольдт [3, с. 303].

Необходимо также заметить: не менее важен вопрос, связанный с критериями научного знания. Как известно, в начале 60-х годов неопозитивистский принцип верификации уступает свое место принципу фальсификации, выдвинутому К. Поппером. Недостатки подхода К. Поппера пытался преодолеть Т. Кун, сосредоточивший внимание на научных революциях, времени, когда происходит радикальная смена парадигм [20]. В то же время проблема постмодернизма акцентирует постпарадигматические отношения социального порядка, одновременно всевозрастающая плюрализация перспектив оставляет мало места для основополагающих концептуальных значений. «Конец нормального» все чаще занимает центральное место в работах исследователей [18]. Постмодернисты, в частности Ж. Ф. Лиотар, утверждают: современное общество характеризуется утратой абсолютных ценностей, плюрализацией морали, отсутствием веры в «научную рациональность» [7]. Трансцендентальное содержание блага связывается сегодня не с «немыслимой высотой Бога», а рассматривается в его отношении к наличному благосостоянию людей [1]. Благо («the good»), по Дж. Александру, – не социальный фактор, а культурно сконструированное коллективное

представление, олицетворяющее «хорошее», приносящее пользу, что вместе со злом составляет бинарную оппозицию [15].

Интересно также отметить, что в концепте «счастье» также произошли определенные изменения в последние десятилетия. По мнению ученых, использующих социобионетический подход, счастье – это состояние удовлетворенности жизнью, основанное как на конструировании идеи счастья, так и на идентификации ценностей, ожиданий, смыслов и чувств, которые определяют социальное действие. Счастье подвержено эволюции, утверждают современные учения, трансформации и флуктуациям, обусловленным рядом условий социальной жизни актора: социальными отношениями, работой, финансовым положением, друзьями, семьей, стилем жизни, а также рефлексией социального актора о жизненных обстоятельствах. В то же время в академическом философском энциклопедическом словаре 1983 года в определении феномена «счастье» подчеркивается, что счастье – понятие, обозначающее такое состояние человека, которое соответствует наибольшей внутренней удовлетворенности условиями своего бытия, являясь чувственно-эмоциональной формой идеала [10]. Определенные трансформации концепта «счастье», на наш взгляд, очевидны. Последнее не противоречит некоторым современным суждениям о добродетели. Исследователи отмечают, что возрождение интереса к этике блага и добродетели в середине XX в. связано с работами Дж. Э. М. Анскомб, в которых говорится о том, что поскольку утилитаризм, столь влиятельный в первой половине XX в., не смог связать должностное и благо, то есть объяснить, почему наш долг состоит в совершении благих дел, значит, он полностью может отказаться от понятий нравственного обязательства и долга. Поэтому автор считает, что следует вернуться к древней традиции и сосредоточиться на развитии внутренних добродетелей личности [16].

Систематический обзор современного состояния интерпретаций этики добродетели дают работы М. Слоута. Его статья «Этика добродетели» признается в научном мире авторитетным источником по данной теме. Сторонники этики добродетели ратуют за оценку правильности или неправильности с ее позиции действующего актора – поступка человека – его характера и мотивов, которыми он руководствуется. «Концептуальный аппарат этики добродетели, – пишет М. Слоут, – состоит не из деонтологических понятий («следует», «правильный», «обязательный» и т.д.), а так называемых аретаических понятий (от древнегреч. arete – добродетель), характеризующих добродетельное поведение». Слоут предлагает следующее определение. «Данный концепт, – пишет он, – можно считать формой этики добродете-

тели, если он трактует аретаические понятия как фундаментальные, а деонтологические понятия – как производные или несущественные. Данный подход, таким образом, акцентирует внутренний характер и мотивы поведения, а не правила или последствия действий» [22].

Подобно другим сторонникам этики добродетели, Слоут полагает, что оценка нравственности поступка должна производиться с позиции действующего лица. Добродетельность действующего лица оценивается Слоутом с позиции единого основополагающего мотива – всеобщей доброжелательности («universal benevolence»).

Бесспорно, эта мысль отличается от утилитаризма, в котором утверждается, что правильность или неправильность поступка зависит только от его последствий. В этике добродетели не нужно оценивать, является ли поступок нравственным или безнравственным путем анализа его результатов. Он оценивается по тому, насколько близко добродетель актора – действующего лица – соответствует нравственному качеству всеобщей доброжелательности. Со своей стороны, «всеобщая доброжелательность» как концепт не восходит к какому-то иному, более фундаментальному понятию; по Слоуту, она сама уже фундаментальна. Однако, в поиске основополагающего принципа Слоут, пытаясь объединить этику добродетели и заботу о своих ближних, обращается к концепции «женской этики» – к идеям К. Джиллиган и Н. Ноддингс. В своих исследованиях К. Джиллиган утверждает, например, мысль о том, что если для мужского менталитета в моральной сфере определяющими являются понятия справедливости, моральных законов и принципов, то для женщин – понятия заботы, взаимопонимания, доверия [17]. М. Слоут, восприняв идею заботы, стал впоследствии толковать нравственность как этику заботы. Необходимо отметить: в целом, идея духовного превосходства женщин как феминистская гипотеза пронизывает сегодня многие гендерные исследования. Богословы-женщины верно, на наш взгляд, отмечают, что так называемые смертные грехи – гордыня, вождление, алчность – и соответствующие им добродетели – смирение, скромность, великодушие – ориентированы в основном на мужчин. Возможно, полагают ученые-феминисты, все эти понятия – добродетели и порока, добра и зла, – трактуются абстрактно, вне контекста, всего лишь примеры упрощенного патриархатного разделения бытия на дихотомии: духа и материи, разума и эмоций и т.д. Основополагающим принципом классической западной философии всегда была дихотомия «мужчина-женщина», и, как бы не определялась природа мужчины, патриархатный взгляд всегда приписывал противоположные качества женщине. Следовательно, полагают исследователи гендера, необходимо подойти к этому вопросу принципиально по-иному и рассматривать

духовность не как качество, присущее тому или иному существу, а как самодостаточное явление [12].

Изложение основного материала. Существенное положение, которое необходимо подчеркнуть, – это позиция «субъективного толкования» в отношении концептов. Фундаментальные, так называемые «предельные», концепты возникают в субъективной форме, под которой понимается не только мышление, но и само человечество в его исторической жизнедеятельности. Назначение фундаментальных концептов – быть индикатором основных человеческих смыслов и ценностей; в лингвистической традиции – это нижний и верхний пределы языковой деятельности. Г. Фреге, выводя разграничение между смыслом и значением знака, утверждал: «Знак как таковой может мыслиться не только в связи с означаемым, то есть с тем, что можно было бы назвать денотатом знака, но и в связи с тем, что можно назвать смыслом знака; смысл знака – это то, что отражает способ представления означаемого данным знаком. В идеале, – замечает Г. Фреге, – соответствие между знаками, смыслами и денотатами должно быть устроено таким образом, чтобы всякому знаку всегда соответствовал один определенный смысл, а всякому смыслу, в свою очередь, всегда соответствовал один определенный денотат; разумеется, однако, что в действительности указанное соответствие часто нарушается». Г. Фреге, усматривая три степени различия между выражениями (словами, словосочетаниями и предло-жениями), пишет, что разница между переводом и оригиналом не должна выходить за пределы первой степени различия: различие затрагивает либо только представление, либо только смысл [11]. В русле подобной рефлексии, в то же время не претендуя на собственно лингвистическое исследование концепта «благо» в русском и английском языках, мы хотели бы затронуть анализ лексемы этих слов в указанных выше языках.

Современные электронные словари определяют «благо» (греч. αγα, jon, лат. bonum, фр. bien, нем. gut, англ. the good) как нечто хорошее, доброе, полезное; добро, польза, счастье, благополучие.

Толковый словарь В. И. Даля определяет «благо» как все доброе, полезное, служащее к нашему счастью; «благий» или «благой» в церковно-славянском, – пишет Даль, – означает «добрый, хороший, полезный, добродетельный, доблестный» [4, с. 90]. Таким образом, в толковании Даля, ядром концепта «блага» выступает «добро» и его производные (добродетельный, доблестный).

Энциклопедия Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона определяет «наивысшее бла-го» («eudaimonia») как благополучие, заключающееся в достижении всех благ, к которым стремится человек. Однако следует заметить, что «венцом» духовного воспи-

тания составители энциклопедии полагают «...образование характера, основанного на координации интеллектуальных и нравственных сил волею» [14, с. 378]. Таким образом, данная триада – интеллект, нравственность, воля – способствует кристаллизации эмоций, что необходимо для высокой деятельности – политической; именно поэтому государство рассматривалось древними мыслителями как средство для достижения благополучия.

Современный философский словарь под редакцией В. Кемерова дает следующее определение «блага»: «...одна из основных аксиологических категорий, обозначающая исторически исходный, подтверждаемый житейским опытом факт удовлетворения извечных потребностей, ожиданий и желаний людей при условии соединения их устремлений и усилий» [8, с. 79]. Последнее в данном определении отсылает нас к иному ядру концепта «благо» – значению пользы, полезности. В философском энциклопедическом словаре, изданном в издательстве «Советская энциклопедия» в 1983 году, отмечается: «Благо» в этике и философии есть то, что включает в себе определенный положительный смысл» [8]. Последнее определение, однако, на наш взгляд, размывает ядро концепта «благо», делая его весьма широким и достаточно неопределенным.

Как правило, в соответствии с русско-английскими словарями, «благо» на английский переводится как «blessing» или «the good». В то же время обратный перевод дает следующее: «blessing» – благословение, благо, благоденствие, блаженство, счастье, т. е. ядро концепта – это «блаженство», «счастье». В свою очередь, «the good» переводится как «добро», «благо». Оксфордский энциклопедический словарь определяет «the good» (существительное) следующим образом: «То, что морально правильно или приемлемо» [21, с. 132]. Англо-русские словари дают перевод слова «the good» как «благо», «добро». Таким образом, очевидно, что в англоязычных источниках, прежде всего, следует работать с существительным «the good», с концептом, определяемым этим словом.

Если обратиться к значению английского слова «virtue» и его эквиваленту в романо-германских языках, следует подчеркнуть, что это слово используется как определение, атрибут своего рода «ценности» поведения или действий человека, что имплицитно ведет к потенциально широким значениям этого слова. Однако существует фундаментальное разделение между значениями «virtue» в его моральном смысле с фокусом внимания на соответствующих действиях, одобренных моральными стандартами, и с другой – значением с «неморальным» смыслом, затрагивающим действие или актора действия в достижении поставленной цели.

История концепта «virtue» – это история обоих значений этого слова. Таким образом, сама

амбивалентность концепта «virtue» предполагает возможность бросить вызов доминирующим моральным ценностям посредством эмфазы на других ценностях, также внутренне присущих и свойственных человеку.

Здесь вновь необходимо, на наш взгляд, обратиться к самому понятию концепта. В русском языке слово «концепт» возникло как калька латинского «conceptus», что означает буквально «понятие», «зачатие», то есть концепт связан с понятием замещаемого им явления. Однако в «London Dictionary of Contemporary English» концепт определяется как чья-то идея о том, как что-то сделано из чего-то или как оно должно быть сделано; то есть возникает указание на мыслящее лицо, обладателя некоей идеи или точки зрения. При всей абстрактности и обобщенности этого «некоего» лица («someone») вместе с ним в «концепт» входит субъективность. Однако субъективность противоположна понятию в собственном смысле слова. Здесь следует подчеркнуть: понятие функционирует независимо от общения, концепт же, напротив, предполагает вопросы и ответы, диспут.

Решение проблемы добра и зла Ф. Ницше, как известно, видел в том, чтобы быть «над», находиться выше принципов добра и зла. В постмодернизме добро и зло, как и все остальное, – относительно, контекстуально, идеологически нарративно и дискурсивно. Поскольку «картина мира как она есть» сменяется представлением о мире в определенных социокультурных и лингвистических конструкциях, которые «по определению» интерпретативны, на первый план выходит релятивизм: нет истины, нет фундаментальных философских основоположений, есть лишь интерпретация в проблемном поле множества конкурирующих «истин» в зависимости от способов идентификации объектов, которые подлежат включению в дискурсивное пространство.

Выводы. В постмодернистской «картине мира» интерпретация есть тот способ, с помощью которого индивид истолковывает концепты, помещая их в определенный каркас, в основании которого лежит такой предельный концепт, как «благо». Всё возрастающая плюрализация перспектив постмодерна оставляет мало места для фундаментальных концептов; в целом, трансцендентальное содержание блага все чаще связывается с наличным благосостоянием людей; как отмечают исследователи, утилитаризм не смог в своих теориях связать должностное и благо, именно поэтому идея развития внутренних добродетелей человека акцентуализирует лексему английского слова «virtue» («добро-датель») как непосредственно связанную с лексемой английского слова «the good» – «благо», «то, что морально правильно или приемлемо». Амбивалентность концепта «virtue» основана на фундаментальном разделении

между моральным смыслом и акцентом на действиях индивида, что предполагает возможность бросить вызов доминирующим моральным ценностям посредством эмфазы на других ценностях, также присущих внутреннему миру человека. Таким образом, релятивизм постмодернизма означа-

ет, что если доминируют ценности антифундаментализма, то и фундаментальные концепты теряют свою «легитимность», есть лишь интерпретация, множество конкурирующих «истин» в зависимости от языка, этноса, культуры, гендера, религии, потребностей, вкусов и т. д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Власова Т. И. Концепт и идеология в трансформациях дискурсов и нарративов пост-модернизма / Т. И. Власова // «Versus». – 2016. – № 1(8). – С. 14-18.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языковедению / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 306 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1. – С. 90.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М.: Академический Проект, 2009. – 261 с.
6. Красиков В. И. Концепты в функции философских основоположностей / В. И. Красиков // Язык, этнос, картина мира. Кемерово, 2003. – С. 7-16.
7. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна / Ж. Ф. Лиотар. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. – 168 с.
8. Современный философский словарь / под. общ. ред. В. Е. Кемерова. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 79.
9. Степанов Ю. С. Константы / Ю. С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2001. – С. 43–83.
10. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичева. – М.: Сов. энцикл., 1983. – 668 с.
11. Фреге Г. Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – 1997. – № 35. – С. 352-361.
12. Хайн Х. Освобождение философии: конец оппозиции духа и материи / Х. Хайн // Женщины, познание и реальность. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 338-360.
13. Эко У. Поиск совершенного языка в европейской культуре / У. Эко. – СПб.: Alexandria, 2009. – 423 с.
14. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. – СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1894. – 608 с.
15. Alexander J. A. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. / J. A. Alexander. – Oxford: Oxford University Press, 2003.
16. Anscombe G. E. M. Modern Moral Philosophy / G. E. M. Anscombe // Philosophy. – 1958. – № 33. – P. 1-19.
17. Gilligan C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development / C. Gilligan. – Cambridge: Harvard University Press, 2016. 216 p.
18. Halberstam J. J. Gaga Feminism: Sex, Gender and the End of Normal. / J. J. Halberstam. – Boston: Beacon Beach, 2012. – 157 p.
19. Jameson J. Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism / J. Jameson. – London, New York: Verso, 2009. – 438 p.
20. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions / T. Kuhn. – Chicago: Chicago University Press, 1996. – 226 p.
21. Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – P. 91.
22. Slot M. Virtue Ethic / Slot M. // The Blackwell Guide to Ethical Theory. – Oxford, 2000. – P. 325-347.

REFERENCES

1. Bauman, Z. (2008). *Tekuchaja sovremennost' [Liquid Modernity]*. Sankt-Peterburg: Piter [in Russian].
2. Vlasova, T. I. (2016). *Koncept i ideologija v transformacijah diskursov i narrativov post-modernizma [Concept and ideology in the transformations of discourses and narratives of post-modernism]*. «Versus», (1), 14-18 [in Russian].
3. Gumbol'dt, V. fon. (1984). *Izbrannye trudy po jazykovedeniju [Selected proceedings in linguistics]*. Moskva: Progress [in Russian].
4. Dal', V. I. (1981). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka [Explanatory dictionary of living Russian language]*. (Vol. 1). Moskva: Russkij jazyk [in Russian].
5. Delez, Zh. & Gvattari, F. (2009). *Chto takoe filosofija? [What is philosophy?]*. Moskva: Akademicheskij Proekt [in Russian].
6. Krasikov, V. I. (2003). *Koncepty v funkcii filosofskih osnovopolozhnostej [Concepts in the function of philosophical fundamentals]*. *Jazyk, jetnos, kartina mira*. Kemerovo, 7-16 [in Russian].
7. Liotar, Zh. F. (1998). *Sostojanie postmoderna [The condition of postmodernity]*. Sankt-Peterburg: Aletejja [in Russian].

8. Kemerov, V. E. (ed.) (2004). *Sovremennyj filosofskij slovar'* [Modern philosophical dictionary]. Moskva: Akademicheskij Proekt [in Russian].
9. Stepanov, Ju. S. (2001). *Konstanty* [Constants]. Moskva: Akademicheskij Proekt [in Russian].
10. Il'ichev, L. F. (ed.) (1983). *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'* [Philosophical encyclo-paedic dictionary]. Moskva: Sov. jencikl. [in Russian].
11. Frege, G. (1997). Smysl i denotat [Sense and denotat]. *Semiotika i informatika*, (35), 352-361 [in Russian].
12. Hajn, H. (2005). Osvobozhdenie filosofii: konec oppozicii duha i materii [Liberation of philosophy: end of opposition of spirit and matter]. *Zhenshhiny, poznanie i real'nost'*. Moskva: ROSSPJeN, 338-360 [in Russian].
13. Jeko, U. (2009). *Poisk sovershennogo jazyka v evropejskoj kul'ture* [The search of the perfect language in European culture]. Sankt-Peterburg: Alehandria [in Russian].
14. Brokgauz, F. A. & Efron, I. A. (1894). *Jenciklopedicheskij slovar'* [Encyclopaedic dictionary]. Sankt-Peterburg: Tipo-Litografija I. A. Efrona [in Russian].
15. Alexander, J. A. (2003). *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. Oxford: Oxford University Press [in English].
16. Anscombe, G. E. M. (1958). Modern Moral Philosophy. *Philosophy*, (33), 1-19.
17. Gilligan, C. (2016). *In a Different Voice: Phychological Theory and Women's Development*. Cambridge: Harvard University Press [in English].
18. Halberstam, J. J. (2012). *Gaga Feminism: Sex, Gender and the End of Normal*. Boston: Beacon Beach [in English].
19. Jameson, J. (2009). *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. London, New York: Verso [in English].
20. Kuhn, T. (1996). *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: Chicago University Press [in English].
21. *Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary* (1992). Oxford: Oxford University Press [in English].
22. Slot, M. (2000). Virtue Ethic. *The Blackwell Guide to Ethical Theory*. Oxford, 325-347 [in English].

Власова Татьяна Ивановна – доктор философских наук, профессор
Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна
Адрес: 49010, г. Днепр, ул. Лазаряна, 2
E-mail: vasovat2@gmail.com

Власова Ольга Петровна – кандидат философских наук, доцент
Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна
Адрес: 49010, г. Днепр, ул. Лазаряна, 2
E-mail: olga.vlasova@rambler.ru

Vlasova Tetiana I. – Full Prof. Dr.
Academician V. Lazaryan Dnipropetrovsk National University of Railway Transpor
Address: 2, Lazaryan str., Dnipro, 49010, Ukraine
E-mail: vasovat2@gmail.com
ORCID 0000-0001-5040-5733

Vlasova Olga P. – Candidate of philosophical sciences, Associate Professor
Academician V. Lazaryan Dnipropetrovsk National University of Railway Transpor
Address: 2, Lazaryan str., Dnipro, 49010, Ukraine
E-mail: olga.vlasova@rambler.ru